

КОМПАРАТИВИСТИКА COMPARATIVE STUDIES

DOI: 10.22363/2312-9220-2026-31-3-658-666

EDN: BURKSH

УДК 821.112.2

Научная статья / Research article

Л.Н. Толстой в творческом восприятии Абая и Шакарима: этический диалог

К.Р. Нургали¹, Б.У. Джолдасбекова², Д.Е. Толбаева¹✉

¹Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва, Астана, Республика Казахстан

²Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан
✉tolbayeva.dinara@gmail.com

Аннотация. Рассмотрена рецепция этических идей Л.Н. Толстого в казахской литературе конца XIX – начала XX в. на примере творчества Абая Кунанбаева и Шакарима Кудайбердиева. Особое внимание уделено сравнению концептов «нравственного перерождения» и «совести» в позднем творчестве Л.Н. Толстого и философском трактате Ш. Кудайбердиева «Три истины». Методологическую основу исследования составляют сравнительно-исторический и герменевтический подходы, позволяющие выявить не только типологические сходжения, но и культурно-религиозные различия в интерпретации универсальных этических категорий. Установлено, что Шакарим, в отличие от Абая, вступил в более прямой и осознанный диалог с Л.Н. Толстым, переосмыслив его идеи через призму казахской суфийской традиции. Ключевым понятием этого переосмысления становится «ұждан» (совесть); оно у Шакарима приобретает значение универсального критерия бессмертия души. Работа вносит вклад в изучение межкультурных литературных связей и может быть полезна специалистам по сравнительному литературоведению, а также исследователям русско-казахских литературных отношений.

Ключевые слова: диалог, Шакарим Кудайбердиев, Абай Кунанбаев, этика, совесть, рецепция, сравнительное литературоведение, суфизм

Вклад авторов. Разработка идеи, сбор и анализ исследовательских данных – К.Р. Нургали; написание статьи – Д.Е. Толбаева; научное редактирование – Б.У. Джолдасбекова. Все авторы прочли и одобрили окончательную версию рукописи.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 25 января 2026 г.; отрецензирована 18 марта 2026 г.; принята к публикации 20 мая 2026 г.

© Нургали К.Р., Джолдасбекова Б.У., Толбаева Д.Е., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Нурғали К.Р., Жолдасбекова Б.У., Толбаева Д.Е. Л.Н. Толстой в творческом восприятии Абая и Шакарима: этический диалог // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2026. Т. 31. № 3. С. 658–666. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-3-658-666> EDN: BURKSH

L.N. Tolstoy in the Creative Perception of Abai and Shakarim: An Ethical Dialogue

Kadisha R. Nurgali¹, Bayan U. Joldasbekova²,
Dinara E. Tolbayeva¹✉

¹L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Republic of Kazakhstan

²Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan

✉tolbayeva.dinara@gmail.com

Abstract. The article examines the reception of L.N. Tolstoy's ethical ideas in Kazakh literature of the late 19th – early 20th centuries through the works of Abai Kunanbaev and Shakarim Kudaiberdiev. Special attention is paid to the comparison of the concepts of “moral regeneration” and “conscience” in Tolstoy's later writings and in Kudaiberdiev's philosophical treatise *Three Truths*. Methodologically, the study is based on comparative-historical and hermeneutic approaches, which make it possible to reveal not only typological convergences but also cultural and religious differences in the interpretation of universal ethical categories. The analysis shows that Shakarim, unlike Abai, entered into a more direct and deliberate with Tolstoy, reinterpreting his ideas through the lens of the Kazakh Sufi tradition. The key concept of this reinterpretation is “uzhdan” (Kazakh for “conscience”, Russian: “sovest”), which in Shakarim's philosophy acquires the significance of a universal criterion for the immortality of the soul. The article contributes to the study of intercultural literary connections and may be useful for specialists in comparative literary studies, as well as for researchers of Russian-Kazakh literary relations.

Keywords: dialogue, Shakarim Kudaiberdiev, Abai Kunanbaev, ethics, conscience, reception, comparative literary studies, Sufism

Author contributions. Development of the idea, research data collection & analysis – Kadisha R. Nurgali; writing – Dinara E. Tolbayeva; editing – Bayan U. Joldasbekova. All authors have read and approved the final version of the manuscript.

Conflicts of interest. The authors declare no conflict of interest.

Article history: submitted January 25, 2026; revised March 18, 2026; accepted May 20, 2026.

For citation: Nurgali, K.R., Joldasbekova, B.U., & Tolbayeva, D.E. (2026). L.N. Tolstoy in the Creative Perception of Abai and Shakarim: An Ethical Dialogue. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 31(3), 658–666. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-3-658-666> EDN: BURKSH

Введение

Лев Толстой – фигура, чье влияние выходит далеко за пределы русской литературы. Интерес Л.Н. Толстого к восточной философии и этике неоднократно становился предметом научного анализа. Как отмечает исследователь

Р.Ф. Бекметов, писателя «увлекал Восток как средоточие различных вероучений (индуизм, буддизм, мусульманство, конфуцианство, даосизм)», причем особое место в его духовных исканиях занимал суфизм (2016, с. 110). Особая «толстовская оптика» по отношению к Востоку стала предметом масштабных исследований, наиболее значительным из которых по праву считается монография А. Шифмана «Толстой и Восток», где подробно описываются связи писателя с народами Африки и Азии (1971). Примечательно, что Ромен Роллан предсказывал, что воздействие Толстого на Азию окажется более значительным, нежели его влияние на Европу (Шифман, 1971, гл. 1).

Однако при всем внимании к «восточному вектору» Толстого исследователи сравнительно редко обращаются к тому, как его идеи были восприняты и творчески переосмыслены в культурах народов Центральной Азии. Между тем казахская интеллектуальная элита конца XIX – начала XX в. оказалась удивительно восприимчивой к основным толстовским концепциям: непротivления злу насилием и нравственного стремления к совершенствованию.

Говоря о рецепции Толстого в контексте казахской литературы, нельзя не упомянуть основоположника казахской письменной литературы, поэта, просветителя и философа Абая Кунанбаева (1845–1904). Кунанбаев и Толстой были современниками; оба пережили глубокий духовный перелом в зрелом возрасте. Для Абая центральная идея «толық адам» («целостный человек») перекликается с толстовским пафосом нравственного пробуждения: оба мыслителя видели в моральном совершенствовании единственный путь преодоления социального зла, косности среды и несправедливости. В этом плане показательна книга Ш. Сатпаевой «Вехи времени» (2000), где содержится подробная статья «Л.Н. Толстой и Казахстан».

При всем сходстве устремлений между Абаем Кунанбаевым и Львом Толстым сохранялась значительная дистанция: языковая, культурная, религиозная. Абай, глубоко укорененный в исламской традиции, двигался к универсальной этике через синтез казахской народной мудрости, суфизма и русской литературы – он одновременно знал труды Навои, Низами и Фирдоуси и переводил А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова и И.А. Крылова. Толстой же, оттолкнувшись от православия, строил свою этику на рациональном переосмыслении христианства. Их «встреча» произошла, скорее, в пространстве общечеловеческих ценностей, чем в поле прямого литературного контакта. О настоящей близости литературно-философских взглядов мы можем говорить лишь применительно к творчеству другого казахского поэта и философа – Шакарима Кудайбердиева.

В казахстанском литературоведении широкое бытование получил термин «поэты абаевской школы», проистекающий из названия работы Мухтара Ауэзова «Абай ақындығының айналасы» (1997, с. 262) и последовавших за ней трудов Каюма Мухамедханова. К числу таких поэтов автор относил сыновей Абая, Шакарима и всех, кто знал великого поэта лично; сегодня этот термин вышел за пределы личностного влияния и обозначает творческую преемственность. Шакарим Кудайбердиев (1858–1931), младший современник Абая

и его ученик, до сих пор остается фигурой малознакомой иностранному читателю, при том что именно он вступил в наиболее прямой и осознанный диалог с Толстым: переводил его прозу на казахский язык и создал под влиянием его идей собственную этическую систему – «науку совести» (ұждан ғылымы).

Проблема рецепции Толстого в национальных литературах не раз поднималась на страницах научных изданий. Однако случай Шакарима уникален: здесь мы имеем дело не с опосредованным влиянием или заимствованием сюжетов, а с глубоким духовным резонансом, в котором философская, переводческая и поэтическая работы слились в единый акт познания. Сам Шакарим утверждал, что состоял в переписке с Толстым, однако прямых документальных подтверждений этому в настоящее время не обнаружено. Отсутствие писем, впрочем, не отменяет того факта, что между двумя мыслителями шел напряженный метафизический диалог, пронизывающий все творчество Ш. Кудайбердиева – от ранних переводов до итогового трактата «Три истины». Наиболее последовательно тема духовного родства Толстого и Кудайбердиева раскрыта в работе Ж.К. Смагулова, который ввел в научный оборот понятие «унисон великих» (2012, с. 228).

Знаковым в этом смысле является стихотворение Шакарима:

Танбаймын, шәкіртімін Толстойдың,
Алдампаз, арам сопы кәпір қойдың.
Жанымен сүйді әділет, ардың жолын,
Сондықтан ол иесі терең ойдың¹.

Цель статьи – рассмотреть, как ключевые идеи позднего Толстого (совесть, нравственное усилие, поиск истины) преломились в творчестве Шакарима Кудайбердиева и вписались в более широкий контекст казахской этической мысли.

«Три истины» как итог метафизического диалога

Центральным текстом, в котором наиболее полно отразился метафизический диалог Кудайбердиева с Толстым, является его итоговый труд «Три истины» (Үш анық), работа над которым велась с 1898 по 1928 г. Это неоднородное по жанру произведение представляет собой одновременно философский трактат, научно-популярный очерк и этический манифест. Шакарим вводит казахского читателя в круг понятий, совершенно новых для кочевой среды того периода (атом, электричество, античная философия), но не просто излагает их, а пропускает через призму собственного восприятия, давая каждому явлению нравственную оценку. Такая установка – не просто «просвещать»,

¹ *Кудайбердиұлы Ш. Жол табалық ақылмен* [Найдем путь с помощью разума] : однотомный сборник сочинений. Жидебай : Халықаралық Абай клубы, 2006. С. 187. Подстрочный перевод этих строк приводится в издании: *Кудайбердиұлы Ш. Қазақ в зеркальном отражении : стихи и поэмы / пер. с каз. М. Султанбекова. Семей : [б.и.], 2008. 258 с.* Здесь и далее мы опираемся на поэтический перевод автора настоящей статьи Д.Е. Толбаевой: «Не отступлюсь, я ученик Толстого, / Пусть ты назвал его безбожным и лжецом. / Он был душою всей за честь и правду слова, / Глубоких дум всегда был полон он».

но, просвещая, формировать этическое отношение к миру – типологически сближает его с поздним Толстым, который, как известно, также соединял популяризацию знаний с моральной проповедью.

Шакарим верил в бессмертие души и жизнь после смерти. Его увлечение сверхъестественными явлениями часто связывают с суфизмом – мистическим направлением в исламе, для которого характерны аскетизм и стремление к непосредственному единению с Богом. Возможно, именно поэтому в числе переведенных им рассказов Толстого находится «Ассирийский царь Асархадон» (в переводе – «Асархадон-Лаэли»), где затронута тема переселения душ и присутствует прямая отсылка к учению о непротавлении злу насилием. Как отмечает Ж.К. Смагулов, шакаримовские переводы Толстого – это не механическое переложение текстов, а глубокий творческий акт, свидетельствующий о «духовном унисоне» двух мыслителей (2012, с. 227).

Душа и бессмертие: Л.Н. Толстой и Ш. Кудайбердиев

Особенно ярко глубина метафизического диалога проявляется в понимании души и ее бессмертия. В мае 1910 г., всего за полгода до смерти, Л.Н. Толстой пишет ученикам школы в селе Ключицы: «Жить надо для души, а не для тела. Тело хочет для себя, а душа – для Бога, для любви, для всех»². Эта афористичная формула – квинтэссенция его позднего мировоззрения, в котором душа становится главным мерилем жизни.

Практически ту же мысль, но в иной культурной системе координат, высказывает и Шакарим. В финале «Трех истин», труда всей жизни, он формулирует эту мысль как универсальный закон: «Ничто не ущемит и не обессмертит человеческую душу, если ее, как в этой, так и в последующей жизни, одухотворяет ұждан-совесть»³. Иными словами, путь к бессмертию души лежит через жизнь по совести.

Сходство этих двух итоговых формулировок поразительно. И Толстой, и Кудайбердиев независимо друг от друга приходят к одному и тому же выводу: подлинная жизнь души не прерывается смертью, если человек жил нравственно; бессмертие есть функция совести, а не награда за соблюдение обряда.

Различие, однако, не менее важно, чем сходство. Толстой с его рационалистическим складом ума категорически отвергал любые формы мистики – магнетизм, спиритизм, веру в потустороннее в ее наивном виде. Шакарим же, укорененный в суфийской традиции, допускал мистическое измерение души и говорил о ее посмертном существовании в образах, близких исламскому эзотеризму. Но при всем различии исходных посылок – рационалист и суфий – оба приходят к единому этическому итогу. Этот универсальный нрав-

² Толстой Л.Н. Письмо ученикам школы в селе Ключицы (май 1910) // Полное собрание сочинений. Т. 80. М.: Художественная литература, 1910.

³ Кудайбердиев Ш. Үш анық [Три истины] // Шығармалары [Сочинения]. Т. 1–2. Алматы: Жалын, 2010. С. 391.

ственный закон, проступающий сквозь разность культур и религиозных традиций, и есть главное свидетельство того, что духовный диалог между русским писателем и казахским философом действительно состоялся.

Концепт «совесть»: сравнительный анализ

Продолжая разговор о совести, необходимо отметить, что в казахском языке существует несколько слов для обозначения этого понятия: ар, ұят, ар-ұят, ождан и ұждан. Шакарим выбирает именно ұждан, прямо указывая: «Человеческую скромность, справедливость, доброту я называю мусульманским словом „ұждан“, русским – „совесть“»⁴. Выбор термина не случаен: в отличие от ар (честь) или ұят (стыд), связанных с внешней, социальной оценкой, ұждан несет в себе внутреннее, этическое измерение, что делает его идеальным мостом между толстовской этикой и казахской духовной традицией.

Применение семиотического подхода к анализу концепта открывает дополнительные перспективы для исследования. Как справедливо отмечает Ю.С. Степанов, концепт представляет собой «сгусток культуры в сознании человека» и, в отличие от понятия, является «переживаемым», включающим в себя этимологию, историю и современные смыслы (2004, с. 42–43). С этой точки зрения сравнительный анализ внутренней формы русского слова «совесть» и выбранного Шакаримом термина «ұждан» позволяет выявить глубинные культурно-мировоззренческие различия.

По мнению Ю.С. Степанова, структура русского концепта прозрачно вытекает из его внутренней формы: приставка «со-» и корень «-весть» (знание) указывают на то, что совесть есть «знание, которое задано человеку извне как закон», и что она «выступает как субъективная инстанция, санкционирующая это знание» (2004, с. 156). Русская «совесть» – это «сознание» высшего нравственного закона, который человек постигает внутри себя как нечто данное свыше. Сознательно отказываясь от исконно тюркских «ар» и «ұят», Шакарим останавливается на арабо-персидском заимствовании «ұждан», которое, как и русская «совесть», указывает на внутреннее знание. Однако, в отличие от рационалистической трактовки Толстого, «ұждан» у Кудайбердиева приобретает ярко выраженное суфийское, мистическое измерение: это не просто «знание закона», но и «свет души», позволяющий человеку различать добро и зло в «этой и последующей жизни»⁵.

Оба автора апеллируют к близким понятиям доброты, совести и истинности, но Шакарим отдает предпочтение истине, которую человек не способен увидеть: «Истину человек видит не просто глазами, а глазами разума»⁶. Похожая метафора встречается и у Толстого – в позднем произведении «Путь жизни» он посвящает совести несколько абзацев, определяя ее как «зрячую, духовную часть человека» и сравнивая со стрелкой компаса, которая молчит,

⁴ Кудайбердиұлы Ш. Жол табалық ақылмен [Найдем путь с помощью разума]. С. 315.

⁵ Кудайбердиев Ш. Үш анық [Три истины]. С. 391.

⁶ Там же. С. 347.

пока человек идет верным путем, но указывает на отклонение, стоит с него сойти⁷. Совесть в понимании Кудайбердиева – это синтез скромности, справедливости и доброты, тогда как для Толстого, особенно в его поздних трудах, первостепенной была именно «доброта».

Особого внимания заслуживает история перевода рассказа «Ассирийский царь Асархадон». Как отмечает А.Б. Гольденвейзер (1959), сюжет был заимствован Толстым из «Тысячи и одной ночи»; сам Толстой в письме к Шолом-Алейхему уточнял: «Мысль сказки „Царь Асархадон“ принадлежит не мне, а взята мной из сказки неизвестного автора, напечатанной в немецком журнале *Theosophischer Wegweiser* в № 5 за 1903 год, под заглавием *Das bist du*»⁸.

Примечательно, что на казахский язык это произведение было переведено Шакаримом как «Асархадон-Лаэли» – по именам двух главных персонажей, которые по сути являются одним героем. Е.Б. Сыдыков (2012) определяет этот прием как «допустимое упрощение» переводчика. В центре рассказа – жестокий ассирийский царь Асархадон, собирающийся казнить своего врага Лаилиэ. Старец, явившийся к царю, совершает обряд, и душа Асархадона оказывается в теле Лаилиэ, проживая его плен и мучения. Пережив все, чему он подверг врага, Асархадон осознает связь между всеми живущими и приходит к выводу, что «улучшить жизнь в себе можно только разрушая пределы, отделяющие твою жизнь от других существ»⁹. Эта мысль – переложение толстовского тезиса о непротивлении злу насилием.

Лев Толстой не объясняет механизма переселения души: его внимание обращено исключительно на нравственную трансформацию персонажа. Для Шакарима Кудайбердиева же, укорененного в суфийской традиции, значимо было переселение именно души как носителя сокровенной информации о человеке и как мерила нравственности.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что диалог между Толстым и Кудайбердиевым носит не столько текстуальный, сколько типологический характер. Как показано в работе Ш. Сатпаевой (2000), казахские просветители конца XIX в. были восприимчивы к идеям русского писателя не только благодаря переводам, но и вследствие внутреннего созвучия этических исканий. Однако в случае Шакарима это созвучие перерастает в системное переосмысление.

Сравнение Шакарима с Абаем показывает, что Кунанбаев, при всем уважении к русской культуре, сохраняет дистанцию; Кудайбердиев же преодолевает ее через прямой перевод и философский комментарий. В этом смысле фигура Шакарима – уникальный пример не просто «влияния», но сотворчества, когда чужая идея обретает новую жизнь в ином культурном контексте, становясь полностью своей. Показательно, что среди переводов Кудайбердиева

⁷ Толстой Л.Н. Путь жизни // Полное собрание сочинений. Т. 45. М. : Художественная литература, 1956. С. 3.

⁸ Там же. Примеч.

⁹ Толстой Л.Н. Ассирийский царь Асархадон // Полное собрание сочинений. Т. 34. М. : Художественная литература, 1952. С. 126–130.

именно «Асархадон», где присутствует мотив переселения душ, оказывается особенно близок казахскому философу – идея перевоплощения души имеет параллели в суфийских учениях.

Заключение

Таким образом, Л.Н. Толстой был не просто прочитан в Казахстане, но органично вписался в местную интеллектуальную традицию – через опосредованное влияние на Абая Кунанбаева и прямое переосмысление Шакаримом Кудайбердиевым, который стал самым ярким примером глубокого этического диалога между русским и казахским мыслителями. Его трактат «Три истины» и переводы рассказов Толстого демонстрируют, как универсальные нравственные категории – совесть, истина, бессмертие души – могут быть переосмыслены через призму казахской суфийской традиции.

Примечательно, что можно наблюдать не только сближения в области литературы, но и параллели другого рода. Как пишет Е.Б. Сыдыков, Шакарим «был немного родственным тем, что его отшельничество – реализованная мечта Л.Н. Толстого». Как и Толстой, он отказался от денег за свои книги, и в письме к Сабиту Муканову сообщал: «Напечатанные на мои средства по 1000 экземпляров „Зеркало казахов“, „Енлик и Кебек“, „Калкаман мамыр“ я раздал людям»¹⁰.

Этот диалог, продолжающийся и сегодня, является не только фактом истории литературы, но и живым свидетельством возможности взаимопонимания культур в пространстве общечеловеческих ценностей. Дальнейшие исследования могут быть направлены на сравнительный анализ переводов Шакарима Кудайбердиева и других казахских переводчиков Толстого, а также на изучение рецепции толстовских идей в более широком контексте тюркской философской мысли.

Список литературы

- Ауэзов М.О. Абай ақындығының айналасы [Сфера поэтического творчества Абая]. Алматы : Жазушы, 1997. 384 с.
- Бекметов Р.Ф. Суфизм в духовной биографии Л.Н. Толстого: татарский контекст // Филология и культура. 2016. № 4(46). С. 110–115. EDN: XELUXD
- Гольденвейзер А.Б. Вблизи Толстого. Л. : Гослитиздат, 1959. 517 с.
- Сатпаева Ш.К. Веяния времени. Статьи. Алматы : Ғылым, 2000.
- Смагулов Ж.К. Унисон великих (о переводах Ш. Кудайбердиевым произведений Л. Толстого) // Толстовский сборник – 2012. Творческое наследие Л.Н. Толстого в контексте развития современной цивилизации : материалы XXXIII Междунар. Толстовских чтений. Тула : Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2012. С. 228–233.
- Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. 3-е изд. М. : Академический проект, 2004. 992 с.
- Сыдыков Е.Б. Шакарим. М. : Молодая гвардия, 2012. 161 с.
- Шифман А. Лев Толстой и Восток. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Наука, Главная редакция восточной литературы, 1971. 551 с.

¹⁰ Шәкәрім энциклопедия [Энциклопедия Шакарима] / глав. ред. Е.Б. Сыдыков. Семей : Алаш-таным, 2019. 864 с.

References

- Auezov, M.O. (1997). *The Sphere of Abai's Poetic Creativity*. Zhazushy Publ. (In Kazakh.)
- Bekmetov, R.F. (2016). Sufism in the spiritual biography of L.N. Tolstoy: tatar context. *Philology and Culture*, (4), 110–115. (In Russ.) EDN: XELUXD
- Gol'denzev, A.B. (1959). *Near Tolstoy*. Goslitizdat Publ. (In Russ.)
- Satpaeva, Sh.K. (2000). *Trends of the Time. Articles*. Gylym Publ. (In Russ.)
- Shifman, A. (1971). *Leo Tolstoy and the East*. Nauka Publ. (In Russ.)
- Smagulov, Zh. K. (2012). The unison of the greats: on Shakarim Kudaiberdiuly's translations of Leo Tolstoy's works. In *Tolstoy Collection – 2012. The Creative Heritage of L.N. Tolstoy in the Context of the Development of Modern Civilization: Proceedings of the 33rd International Tolstoy Readings* (pp. 228–233). Tolstoy Tula State Pedagogical University Press. (In Russ.)
- Stepanov, Yu.S. (2004). *Constants: Dictionary of Russian Culture* (3rd ed.). Akademicheskii Proekt Publ. (In Russ.)
- Sydykov, E.B. (2012). *Shakarim*. Molodaya Gvardiya Publ. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Нурғали Қадіша Рүстембековна, доктор филологических наук, профессор, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва, Республика Казахстан, 10000, Астана, ул. Сатпаева, д. 2. ORCID: 0000-0002-8178-2782; SPIN-код: 7518-4331. E-mail: nurgalik1@mail.ru

Джолдасбекова Баян Умирбековна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии и мировой литературы, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Республика Казахстан, 050040, Алматы, пр. Аль-Фараби, д. 71. ORCID: 0000-0003-1217-4799; SPIN-код: 3546-6819. E-mail: baiyan.zholdasbekova@kaznu.kz

Толбаева Динара Ермековна, магистр педагогических наук, старший преподаватель кафедры русской филологии, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва, Республика Казахстан, 10000, Астана, ул. Сатпаева, д. 2. ORCID: 0000-0002-4056-0075; SPIN-код: 9989-7919. E-mail: tolbayeva.dinara@gmail.com

Bio notes:

Kadisha R. Nurgali, Doctor of Philological Sciences, Professor, L.N. Gumilyov Eurasian National University, 2 Satpayev St, Astana, 10000, Republic of Kazakhstan. ORCID: 0000-0002-8178-2782; SPIN-code: 7518-4331. E-mail: nurgalik1@mail.ru

Bayan U. Joldasbekova, Doctor of Philological Sciences, Professor at the Department of Russian Philology and World Literature, Al-Farabi Kazakh National University, 71 Al-Farabi Ave, Almaty, 050040, Republic of Kazakhstan. ORCID: 0000-0003-1217-4799; SPIN-code: 3546-6819. E-mail: baiyan.zholdasbekova@kaznu.kz

Dinara E. Tolbayeva, Master of Pedagogy, Senior Lecturer at the Department of Russian Philology, L.N. Gumilyov Eurasian National University, 2 Satbaev St, Astana, 10000, Republic of Kazakhstan. ORCID: 0000-0002-4056-0075. SPIN-code: 9989-7919. E-mail: tolbayeva.dinara@gmail.com